

МОЛОДЕЖЬ И ПОЛИТИКА

Н.Л. Маркина, Ю.А. Тви́рова, О.Е. Шумилова

Раскрывается место и роль молодежи в политике, особенности ее политического участия на примере участия молодых людей в революционном и протестном движении в XIX и XX веках.

Ключевые слова: молодежь, политическое участие молодежи, политика, государственная молодежная политика.

Молодежь – это значимый элемент в социальной структуре общества. На разных этапах социального развития значение молодежи для обновления социальной системы то возрастало, то становилось слабее. Это объяснялось целым рядом причин, важнейшие из которых – параметры развития общества (преобладание в нем статических или динамических составляющих), доминирующая идеология обществ и их базовые ценности, а также количество самой молодежи. В отечественной науке в определении сущности молодежи доминирует «социально-демографический» подход, трактующий ее как «социально-демографическую группу, выделяемую на основе обусловленных возрастом особенностей социального положения

молодых людей, их места и функций в социальной структуре общества, специфических интересов и ценностей» [1]. При этом возрастные границы молодежного возраста размыты и определяются где-то между 14-16 и 25-29 годами. При таком подходе в центре внимания оказываются вопросы о месте молодежи в обществе, ее роли в социальной жизни, степени и характере вовлечения молодых людей в различные сферы общественной жизни (образовательную, трудовую, политическую).

Для того, чтобы понять место молодежи в обществе и ее социальную роль, а также место и роль в важнейших социальных сферах, в особенности, политической, необходимо, на наш взгляд, сделать важнейшую ремарку. Молодежь и молодость – это порождение исключительно современных обществ. В обществах традиционных молодежь в отдельную социальную группу не выделялась (а в отдельных случаях и до сих пор не выделяется). Жизненный цикл человека делился на две основные составляющие – детство и взрослость. Переход от одной стадии к другой сопровождался болезненным и унижительным обрядом инициации – посвящения во взрослые, после успешного (!) прохождения которого на индивида с почетом (!) возлагались «взрослые» обязанности.

Современное представление о молодежи, а также ее политическом поведении и деятельности начинает зарождаться с развитием капиталистических отношений, а также с развитием социологии и позже (в данном случае мы имеем в виду нашу страну) - политологии. Подчеркнем, что осмысление места и роли представителей молодого поколения в политике, по сути, и не начиналось до начала бурного этапа становления капиталистических отношений, что ранее уже отмечали авторы [2]. Безусловно, великие мыслители, начиная от Сократа, Платона и Аристотеля и включая величайших представителей гуманитарных наук эпохи модерна - Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро, И. Канта - размышляли о молодежи и молодости, но эти размышления преимущественно касались вопросов воспитания и образования молодежи, особенностей психологии молодых людей и их взаимоотношений с государством (в качестве объекта социализационных усилий), со старшим поколением и обществом в целом.

Качественно иной виток в осмыслении роли молодежи в обществе и в политике происходит на рубеже XIX-XX вв. Это происходит под влиянием двух основных обстоятельств. Первое из них – это вовлечение в политику массовых субъектов – социальных групп. Сначала оно имело место в форме протестных и революционных выступлений (порче фабричного имущества, забастовок, стачек, вооруженных действий, направленных против буржуазии и против буржуазного государства), затем – в форме участия в деятельности массовых политических партий, а также в процедуре всеобщих демократических выборов. Второе обстоятельство также носит социально-экономический характер. Общество индустриальное, а, в особенности, постиндустриальное требуют качественно иной профессио-

нальной подготовки, замедляя вхождение во «взрослую» жизнь (изначально далеко не массово).

Капитализм, в особенности, на ранних стадиях востребовал в большом количестве малоквалифицированный «дешевый» труд, преимущественно женский и детский. На это обращали внимание еще К. Маркс и Ф. Энгельс, указывая на то, что в машинном производстве использовался труд детей с 7-9 и даже с 5-6 лет, а в соломоплетении - с 3-4 лет [3]. То есть, раннее взросление «молодого поколения пролетариата» (европейские марксисты использовали этот термин – Н.М.). Классики европейского марксизма выдвинули тезис о том, что политическая деятельность молодых людей во многом определяется их классовым происхождением и особое внимание уделили пролетарской, мелкобуржуазной и крестьянской молодежи. По их мнению, это была весьма серьезная политическая революционная сила в борьбе за коренное переустройство общества. В своих размышлениях Маркс и Энгельс опирались на факты революционных событий в Париже в 1848 г. Они впервые обратили внимание на классовое размежевание молодежи в ходе борьбы за власть. Классики марксизма также отметили постоянные колебания в ходе революционных событий со стороны мелкобуржуазной молодежи, а также тот факт, что студенты занимали промежуточное положение между буржуазией и рабочими. События 1848-1849 гг. в странах Европы доказали, что боевым ядром пролетариата в классовых схватках была городская промышленная молодежь. Она проявила максимум героизма и самоотверженности. В то же самое время Маркс и Энгельс подчеркнули, что молодежь как субъект политических отношений обладает рядом специфических черт, к которым следует отнести энергию молодости, юношеский энтузиазм и в то же самое время нетвердость и непостоянство идеологических позиций [4]. Неопытность молодежи, как показал К. Маркс в работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», делает ее объектом политической манипуляции. Так, французская буржуазия в ходе революционных событий смогла противопоставить «одну часть пролетариев другой», используя в своей политической борьбе «мобильную гвардию» из 24 000 деклассированных представителей молодого поколения в возрасте от 15 до 20 лет. Не справляясь с пролетариатом, буржуазия «просто купила их... крайне неустойчивые в своем юношеском возрасте... они способны были на величайшее героическое и самопожертвование, но вместе с тем и на самые низкие разбойничьи поступки и на самую грязную продажность». Для толкования социально-политической субъектности молодежи большое значение имела также дискуссия марксистов с М.А. Бакуниным, одной из основных установок которой оказался тезис о склонности молодых людей к разрушению социальных устоев, которые она не создавала и не освоила. То есть, первые события, в которых молодежь начинает проявлять свою социально-политическую субъектность, сопряжены, с одной стороны, с развитием ка-

питалистических отношений, а с другой – с переломными событиями с жизни обществ.

Таким образом, молодежь (точнее, только ее часть) в XIX веке в политике заявила о себе однократно – в ходе европейских буржуазных революций. Тем не менее, ее политическая активность в тот период времени позволила отметить следующие значимые черты: зависимость характера действий конкретных представителей молодого поколения от места в социальной структуре (в терминах марксизма – классовой принадлежности); идеологическая неустойчивость; доступность и довольно легкая достижимость в качестве объекта политических манипуляций; склонность (во всяком случае, в рабочей и люмпенской среде) к разрушению на грани преступных деяний.

Век XX (в особенности, его вторая половина) показал, что во взаимодействии молодежи со сферой политического диалектически сочетались две основные тенденции: с одной стороны - стремление молодых людей к ломке существующих социально политических устоев (на наш взгляд, выраженная существенно меньше), а с другой стороны – стремление обществ, государств и более старших поколений взять под контроль социальную и политическую активность молодых. Опишем деятельность молодежи, обществ и государств в указанный период более подробно применительно к различным регионам мира.

Первая четверть XX века для стран Запада характеризовалась началом институционализации государственной молодежной политики. Разумеется, это не была государственная молодежная политика в современном представлении. Это были лишь первые шаги по ее формированию. Так, учитывая действия молодежи во Французской революции 1848-1849 гг., а также французский опыт социальной политики той эпохи, германские власти принимают Закон о молодежном благоденствии (1922 г.). Этот нормативный акт содержал закрепление государственных обязанностей по обеспечению трудовых и некоторых других прав молодого человека.

Россия тем временем шла своим путем. Здесь развитие капиталистических отношений происходило с некоторым отставанием по сравнению с передовыми европейскими государствами. Тем не менее, к началу XX в. эпицентр революционных событий переместился в нашу страну. Осмысление новой реальности, а также место молодежи в ней анализировал В.И. Ленин. В работе «Развитие капитализма в России» (1899 г.) он поддерживал идею социально-классового деления общества и классовой принадлежности представителей молодого поколения, а также поднял проблему сверхэксплуатации подростков и молодежи. В связи с этим Ленин внимательно изучал место молодых рабочих и выходцев из других слоев в революционной деятельности. Развивая марксистские идеи о пролетарской революции, Ленин исследовал пути и методы повышения роли молодежи в ней. В его трудах большое значение уделялось организационному станов-

лению революционной молодежи в России. Тем самым обосновывалась субъектность молодежи в социально-политических процессах и формировалось представление о ней как о самостоятельной политической силе.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции и окончания гражданской войны 1918-1920 гг. большевики интересовались тем, как воспринимают ее достижения представители молодого поколения. В стране принудительно формировалась новая, неизвестная мировому историческому опыту социальная структура. Тем не менее, разруха и голод сопровождали жизнь граждан. По этой причине молодежи было посвящено большое количество исследований как социологического, так и психологического характера. Эти исследования проводились на основании огромных - до 120 000 (!) выборочных совокупностей [см. подробнее: 5, с. 28]. На основании этих исследований был сделан вывод о том, что школьники и подростки поддерживают идеалы пролетарской революции, в целом разделяют марксистскую идеологию.

Первую четверть XX в. в Советской России следует признать также и как период зарождения советской государственной молодежной политики (отметим, что этот термин не применялся вплоть до 1987 г., хотя фактически государственная молодежная политика имела место быть). Для формирования паттерна взаимодействия государства и молодежи в нашей стране особое значение имела речь В.И. Ленина на III съезде РКСМ 2 октября 1920 г., стимулировавшая возрастание роли комсомола в части представительства интересов молодежи с дальнейшим укреплением его роли в реализации политического курса коммунистической партии. В ранний период советской истории социальная субъектность молодежи обладала огромным потенциалом возможностей и имела многообразные формы воплощения, поскольку активность как черта личности и коллектива была востребована, являлась важнейшей идеологической установкой. Параллельно интенсивно нарастало влияние общественно-политических организаций: коммунистической партии и комсомола. И уже в том период времени советская власть заложила базовый принцип взаимодействия молодежи в сфере политики: молодежь рассматривалась как пассивный объект воспитания со стороны государственных структур.

Важной вехой для развития взаимодействия молодежи и государств стала вторая половина XX века. Существенная трансформация социально-экономических отношений, формирование новых классов в социальной структуре (в том числе, и в нашей стране) стали причиной внимания к молодежи как к некой общности молодых людей, имеющих одинаковый социальный статус. Этому во многом способствовал обозначившийся разрыв традиционных связей между родителями и детьми, а также возрастающее влияние на молодое поколение государственных институтов социализации. Тем не менее, не смотря на возрастающий интерес к молодежной проблематике, ни в обществе, ни в советском обществоведении молодежь не

рассматривалась как самостоятельная социальная группа. Схожей (тем не менее, далеко не идентичной) оказалась ситуация и в западной науке.

На Западе понятие «молодежь» стало широко использоваться в послевоенные 1950-е гг. в индустриально развитых странах, преимущественно в Великобритании и в США. Старт новому видению молодого поколения дала работа А. Коэна «Делинквентные партии: культура банды» (1955 г.). В ней он констатировал, что подростки из рабочего класса уходили в «антишкольные» группировки, чтобы развить альтернативные формы самоутверждения. Подростки же из среднего класса чаще объединялись в «прошкольные» законопослушные группы. Среди наиболее известных работ, посвященных аналогичным явлениям, следует назвать работу А. Коэна «Преступная молодежь» (1961). Коэн описывает поведение молодых мужчин из рабочих кварталов через категорию молодежной субкультуры, направленной против социальных устоев. Он подчеркивает, что действия большинства группировок не включали в себя стремление к материальной выгоде, скорее они были просто деструктивными: насилие против людей и собственности доставляло удовольствие на уровне субъективных переживаний специфическим внутренним волнением, которое молодые люди переживали в это время. Они воровали машины не для их перепродажи, а просто для того, чтобы весело покататься, переживая всю рискованность ситуации, от того, что не имели на это никакого права. Потом они просто ее разбивали. Удовольствие, получаемое в процессе совершения какого-либо безобразия и нарушения закона ради самого себя, как предполагал Коэн, становилось умышленным переворачиванием социальных норм. Коэн считал, что дело не в том, что молодые люди, вступая в банды становятся антисоциальными. Скорее наоборот, молодые люди уже асоциально ориентированные объединяются в банды, потому что только внутри небольших автономных групп могут поддерживать и воспроизводить антисоциальные нормы и статусы.

Однако в 1950-х и начале 1960-х в обществе не ощущалась паника по поводу действий молодежи в рамках субкультур, включая криминальные. Не шла речь ни о «молодежном бунте», ни об активном вмешательстве молодого поколения в политическую жизнь. Но во второй половине 1960-х гг. ситуация начинает резко меняться.

1960-е – этот период, который характеризуется глубокими социально-экономическими и политическими изменениями. Во-первых, западные общества вплотную подступили к новой стадии развития – постиндустриальной. Это означало очередную волну урбанизации, дальнейшую автоматизацию производств, реструктуризацию производственной сферы и смещение центра тяжести с металлургии, машиностроения, судостроения и лесозаготовок на производство товаров массового потребления, высвобождение свободного времени для досуга, изменение требований, выдвигаемых работникам (включая требования профессиональной подготовки),

перемещение заметной части рабочей силы в сферу обслуживания, доступность высшего образования для тех социальных слоев, которые не могли претендовать на него ранее. Во-вторых, изменения в экономике имели следствием разрушение «старой» классовой модели с доминированием классов пролетариата (наемных рабочих) и крестьян, что само по себе способствовало сглаживанию тех классовых противоречий, которые описывали в своих трудах марксисты. Существенному снижению накала классовых антагонизмов способствовали и расцвет социальных государств, и послевоенное восстановление экономики. Все это не могло не сказаться на массовых настроениях.

Период второй половины 1960-х был связан и с еще одним явлением демографического характера. Окончание второй мировой войны повлекло за собой всплеск рождаемости, и дети, рожденные на излете 1940-х, ко второй половине 1960-х выросли и стали представлять собой серьезную силу не только качественно, но и количественно. По данным ЮНЕСКО, к началу 1970-х половину населения земного шара составляли молодые люди в возрасте до 25 лет [5]. В странах Запада молодежные когорты родившихся во второй половине 1940-х – начале 1950-х называли поколением «бэби-бума». Эти возрастные когорты имели огромное воздействие на становление нового левого движения в странах Западной Европы и США, а также были проводниками антивоенного движения в 1970-х и 1980-х гг. С одной стороны, социально-политическая деятельность «бэбибумеров» характеризовалась теми же чертами, что и деятельность революционной пролетарской молодежи в середине XIX в. Молодежь характеризовалась неустойчивостью идейных установок, податливостью для идеологических манипуляций, склонностью к разрушениям, непредсказуемостью. Только место пролетарской молодежи заняла студенческая.

Студенческие протесты начались в 1968 г. в США и странах Западной Европы, где происходили на фоне стабильного экономического роста, но они чрезвычайно быстро обрели интернациональный характер и были подхвачены даже в восточных странах (например, в Пакистане) и некоторых странах Латинской Америки. Новое поколение выступало за нонконформизм и социальную справедливость. Многие новые левые вслед за Г. Маркузе считали, что рабочий класс в развитых странах, добившись более обеспеченной жизни, перестал быть революционной силой, и его место в борьбе за изменение общества, за преодоление отчуждения, должны занять маргиналы, студенчество и интеллектуалы. Другие же отвергали политический активизм в принципе, проповедуя этику недеяния в духе буддизма или выступая за превращение жизни в непрерывный перформанс в духе авангардного искусства.

Особый ужас старших поколений вызывали и убеждения молодых людей, и непредсказуемость их действий, и их деструктивная направленность. Со стороны казалось, что вся молодежь стремится максимально

расшатать сложившиеся социальные устои. В Париже студенты захватили Сорбонну, объявив ее автономным народным университетом, и удерживали ее больше месяца. Студенческие волнения проявлялись в оккупации университетов («освобождение университетов»), бойкоте занятий и преподавателей. Летом 1970 г. волнениями были охвачены почти все 2500 вузов США. Были арестованы тысячи студентов. Заметим, что в США и Европе молодежные движения дополнялись негритянскими протестами.

Причины этих выступлений были мировоззренческими. Они в основном не носили политической направленности (за исключением требования остановить призыв на войну во Вьетнаме со стороны американских студентов), тем не менее, имели большой политический и идеологический резонанс. Ни общества, ни политические деятели не смогли быстро преодолеть «шок 1968 года». «Мятеж, бунт, революция молодежи» - как они сами их называли [6] – вселили в них глубокое недоверие к молодежи. Молодежь, в свою очередь, не доверяла им. «New – Left – Hogan» в США - лозунг новых левых: «Не верь никому старше тридцати» - нашел свой противоположный вариант в «New – Right – Hogan» - «Не доверяй никому моложе тридцати».

Протестные настроения быстро перекинулись на другие континенты и прошли под лозунгами национально-освободительного молодежного движения в Турции, в Югославии [7] под лозунгами демократизации социальной и политической жизни.

В конечном счете, общественно-политической реакцией на описанные события стала идеология нового консерватизма, имевшая глубокие, далеко идущие и подчас драматические последствия как для отдельных государств, так и для всего мира.

При этом самое большое непонимание со стороны старших поколений, «присматривавших» за молодыми, вызывали непредсказуемость и массовость их действий. В конце 1960-х эмпирические социологические исследования среди студентов никак не свидетельствовали о нарастании напряженности и, более того, бунтарского потенциала даже накануне событий, приведших к политическим кризисам. С этой точки зрения характерны данные опросов авторитетных организаций в США, проведенных с 1968-1969 гг., то есть, когда студенческий бунт уже стал фактом общественной жизни [здесь и далее излагаем по: 8]. По данным института Харриса (весна 1968 г.), «радикальных активистов» среди студентов США было всего лишь 1-2 %. Д. Янкелович («Даниел Янкелович Инк.») по итогам опроса начала 1969 г. констатировал: из общего числа студентов США около 13 % могут быть причислены к «бунтующей молодежи», из них сторонники насильственных действий составляли 3,3 % (другие характеризовались как «нигилисты»). В то же время обращалось внимание на то, что акции «бунтарей» готовы поддерживать «студенты-реформаторы», составившие 39,9 %. Эффект широкой поддержки ничтожного числа активистов

зафиксировал и общенациональный опрос Харриса (1970): за поддержку студенческих групп активистов выступили 75-80 % всех студентов. В целом же из опыта эмпирических исследований конца 1960-х гг. следует, что политические пристрастия молодежи, представления о том, как вести борьбу за утверждение общественных идеалов и какими эти идеалы должны быть, в действительности крайне слабо увязываются с поведением юношей и девушек, с реалиями их политического участия.

Однако, после того как «страсти немного поутихли», американский ученый С. Липсет в своей книге «Восстание в университете» (1972 г.) на примере студенческого активизма в США доказал, что как степень распространения антивоенного протеста, так и степень распространения альтернативных ценностей в студенческой среде относительно невелики. Для того, чтобы противопоставлять старшее поколение молодому, оснований нет. В действительности важным фактором либерализации в студенческой среде следует признать влияние преподавателей, находившихся под влиянием идей новых левых. Что же касается идеологических различий, то они намного более четко просматриваются между университетской и неуниверситетской молодежью.

В это же время в СССР и странах варшавского договора (за редким исключением) о молодежном бунте, молодежных субкультурах и контркультурах речь не шла. Молодежь была организована в специальные «резервные отряды», которые «ждали призыва» партии, будучи практически полностью отстраненной от принятия значимых социально-политических решений [9]. Однако для стороннего наблюдателя картина политической жизни Советского Союза представлялась совсем иной: декларировалось широкое демократическое участие всех групп трудящихся и всех поколений. Квазигражданское общество советского типа пронизывало буквально все общество, используя в качестве «приводных ремней партии» специальные «поколенческие» организации – пионерскую, комсомольскую и партийную. Наиболее способные к управленческой деятельности молодые люди ясно понимали, что такое общественная деятельность, какие качества требуются для продвижения по комсомольской или партийной линии. Ясны были и возможные результаты и перспективы карьерного роста. Впереди была лестница восхождения: комсомольский активист, заместитель секретаря, секретарь партийного или комсомольского комитета с освобождением от основной работы, инструктор в райкоме и т.п. То есть, процесс политической социализации в Советском Союзе практически полностью контролировался государством. Однако парадоксом советской политической системы было то, что, постоянно работая с молодежью и включая ее на самых ранних этапах в различные формы общественной активности, государство предлагало столь медленный темп политической карьеры, что путь на вершины власти занимал практически всю жизнь. Из-за того, что сменяемость кадров на высших должностях происходила слишком медленно,

движение наверх нижестоящих номенклатурных рангов также замедлялось.

В то же самое время в странах социалистического блока, а также в ряде капиталистических государств делались реверансы в сторону молодежи посредством молодежного законодательства. В странах соцлагеря с несколько более демократичными политическими режимами был принят Закон о молодежи (в ГДР в 1950, 1964, 1973; в Венгрии в 1971 г.). Он также был принят на Кубе в 1978 г. Более того, события второй половины 1980-х гг. в странах ЦВЕ и СССР стимулировали новый виток интереса к молодежи и ее проблемам со стороны значимых политических субъектов. Мировая практика создавала весьма интересный контекст: в конце 1980-х годов соответствующие положения имелись в конституциях Болгарии, ГДР, КНДР, Кубы, Монголии, Румынии. В 1986 г. Закон о молодежи был принят в Польше. К 90-м годам XX столетия отдельные права молодежи были закреплены во многих других государствах. Законы о социальной защите молодежи действовали в Австрии, Афганистане, Греции, Индии, Испании, Италии, Китае, Нидерландах, Турции, Финляндии, Швеции и других странах. Во многих странах были созданы государственные органы по делам молодежи, были приняты национальные программы. Государственная молодежная политика стала предметом некоторых мероприятий ООН (например, в 1985 г. она инициировала проведение Международного года молодежи).

Однако, разнообразие политических практик в мире способствовало новым примерам отчаянной и самоотверженной политической борьбы студенческой молодежи. Самым драматическим примером с этой точки зрения можно признать студенческие выступления 1989 г. на площади Тяньаньмэнь в Пекине, известные как «события 4 июня» и «резня на площади Тяньаньмэнь».

Главными участниками выступлений были студенты, которые требовали от властей послабления политического режима и демократизации общественно-политической жизни. Довольно быстро к студентам присоединялись рабочие, служащие, бизнесмены и даже полицейские. Протестующие разбили на площади палаточный лагерь. Бывали дни, когда на площади собиралось до миллиона человек. Под влиянием событий в Пекине начались демонстрации в других городах и, прежде всего, в Шанхае.

События на площади Тяньаньмэнь происходили накануне важнейшего государственного визита в КНР Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева (15-18 мая), имевшего целью нормализацию отношений между Советским Союзом и Китаем. В центре Пекина советский руководитель должен был возложить венок к Памятнику народным героям. Студенты приготовились его приветствовать и даже изготовили для этого плакаты на русском языке: «Демократия – наша общая мечта!». Однако на площадь

Тяньаньмэнь Горбачев не пришел, сославшись на то, что происходящие в центре Пекина события – это внутреннее дело Китая.

К 4 июня выступления были самым жестоким образом подавлены. Количество жертв тех событий до сих пор неизвестно, а сами события как бы «забыты» и вымараны коммунистической партией Китая из всех возможных источников, включая интернет-ресурсы.

На Западе и в диссидентских кругах в самом Китае происходившее на площади Тяньаньмэнь расцениваются как «выступления за демократию», но официальный Пекин говорит об этих событиях как о попытке «контрреволюционного мятежа». Председатель КНР Ху Цзиньтао заявлял, что официальный Пекин не намерен менять отношение к событиям 1989 года. Он отмечал, что принятые в тот период меры сыграли «решающее значение» для успешного экономического роста КНР в последующие годы. И действительно. Правительству удалось «откупиться» от граждан экономической либерализацией, и начавшиеся в итоге социальные преобразования носили качественный характер и далеко идущие последствия.

Пожалуй, описанные события – самый яркий пример политического участия молодежи и попыток молодых людей (подчеркнем – преимущественно студентов) повлиять на изменения в социальной и политической системе.

В странах Западной Европы и США в последние десятилетия уходящего века молодежный протест принял иные формы. К 1980-м поколение «бэбибума» повзрослело, а его место заняли другие возрастные когорты, значительно менее многочисленные. Они также в значительной части выросли под влиянием реер-груп (гомогенных возрастных группировок), демонстративно отрицая опыт старших поколений, а также создаваемую им духовную и материальную культуру. Но это отрицание обрело другие формы и облачилось в образы молодежных субкультур – панков, металлистов, байкеров, граффитистов, бодимодификаторов и пр. Одежда и поведение этих молодых людей раздражали и пугали «взрослых», тем не менее, и в этом случае старшее поколение оказалось способно «приручить» непокорную молодежь: дельцы от шоу-бизнеса и моды быстро «схватывали» новые идеи молодых, дорабатывали, «облагораживали», коммерциализировали их и успешно продавали музыкальные диски и инструменты, одежду, спортивный инвентарь и пр. Аналогичная ситуация и сейчас. Дизайнеры и музыканты «черпают вдохновение» в молодежных субкультурах и контркультурах и находят способы улучшить свое материальное благосостояние. А то, что изначально выглядело как протест, а зачастую протестом и являлось, быстро становится элементом массовой культуры, общим достоянием и тем самым утрачивает свою сущность.

Изменение демографической ситуации в западных странах на рубеже XX – XXI вв. делает перспективы собственно молодежного протеста практически невозможными. «Ужас 1968-го» с большой вероятностью не по-

вторится. Разумеется, мы вовсе не имеем в виду, что молодые люди будут заниматься исключительно музыкой, рисованием, спортом и танцами. Напротив, молодые люди активно включаются в политический процесс и действуют, как и раньше, бесстрашно и самоотверженно. Это подтверждают события последних лет в Египте и в Сирии, в России и на Украине. Но только делают это молодые люди вместе со «взрослыми», действуя, по давнему замечанию известного отечественного социолога молодежи И.М. Ильинского как ЧАСТЬ общества и как часть ОБЩЕСТВА [10], раскрывая свою природу как диалектику целого и части.

То есть, как мы видим на описанных примерах, молодежь можно рассматривать в качестве «оживляющего посредника» социальной жизни, но не в качестве самостоятельного политического субъекта. Самоорганизация в среде молодежи низка, за исключением одного элемента в ее структуре – студенчества. Социальная и политическая системы стремятся к самосохранению и всегда «руками» «поколения взрослых» стараются взять социально-политическую активность молодежи под контроль. Кроме того, в истории был по сути один уникальный случай – «молодежный бунт» 1968 года, который быстро обрел интернациональный характер и существенно повлиял на идеологии обществ и государств. Однако, политическая система в отношении обновляющих воздействий молодежи и студенчества оказывает большее «сопротивление материала» по сравнению с социальной системой, быстрее и легче берет активность представителей молодого поколения под контроль, предлагая молодым другие области для самовыражения, преимущественно связанные с культурной подсистемой обществ.

Список литературы

1. Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв. Ред. Ю.А. Зубок и В.И. Чупров. М.: Academia, 2008. С. 267.
2. Маркина Н.Л., Твирина Ю.А., Шумилова О.Е. Государственная молодежная политика: мировой и отечественный опыт // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Выпуск 2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2010. С. 151-160.
3. Павловский В.В. Ювентология: проект интегративной науки о молодежи. М.: Академ. проект, 2001. С. 27.
4. Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1948 по 1950 г. [Электронный ресурс]// URL: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Klass/klass-01.html>
5. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Социология молодежи. Учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 36.

6. Критика буржуазных теорий молодежи / Пер. с нем. Г.С. Черно-вой; общ. ред. Б.К. Лисина. М.: Прогресс, 1982. С. 157.

7. Николич М. 1968: студенческий протест в Югославии // Скепсис. Научно-просветительский журнал [Электронный ресурс] // URL:http://scepsis.net/library/id_1420.html

8. Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи: теоретические вопросы. М. Социум, 1999. С. 99-100.

9. Крыштановская О.В., Хуторянский Ю.В. Элита и возраст: путь наверх // Социс. 2002. № 4. С. 49-50.

10. Луков В.А. Ильинский: гуманистическая концепция молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 2. С. 53 [Электронный ресурс] // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ilinskiy-gumanisticheskaya-kontseptsiya-molodezhi>

Маркина Наталья Леонидовна, канд. полит. наук, доцент, markina2068@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет,

Твиrowa Юлия Александровна, канд. полит. наук, доцент, twirowa@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет,

Шумилова Ольга Евгеньевна, канд. полит. наук, доцент, HelgaSh80@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет.

YOUTH AND POLITICS

N.L. Markina, Yu.A. Tvirowa, O.E. Shumilova

The article looks into the place and role of youth in politics and features of their political participation by the example of participation of young people in revolutionary and protest movement in the 19th and 20th centuries.

Key words: youth, political participation of young people, politician, state youth policy.

Markina Natalia Leonidovna, PhD (Political Sciences), Associate Professor, markina2068@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University,

Tvirowa Yulia Aleksandrovna, PhD (Political Sciences), Associate Professor, twirowa@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University,

Shumilova Olga Evgenievna, PhD (Political Sciences), Associate Professor, HelgaSh80@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University.